
В ПОИСКАХ НОВОЙ ПАРАДИГМЫ РАЗВИТИЯ

Вебер А. Б.

д. и. н., главный научный сотрудник Института социологии РАН.

E-mail: mailbox@polisma.ru

Является ли доминирующая в мире модель развития устойчивой (sustainable) с точки зрения человеческого благосостояния? Все более очевидным становится отрицательный ответ. Экономический рост – не единственный фактор благосостояния. Не менее важны социальные и экологические факторы. Оценка ресурсов человечества, то есть реального богатства, включая природные ресурсы, позволяет лучше понять, какие изменения в политике необходимы для перехода на устойчивый путь развития.

Ключевые слова: *реальное богатство, ресурсы, человеческий и природный капитал, устойчивое развитие, человеческое благосостояние, общественное предвидение.*

Is the world's dominant model of development sustainable in terms of human well-being? It becomes more obvious the answer is negative. Economic growth is not the only factor of well-being. Equally important are the social and environmental factors. Resource assessment of humanity, that is, real wealth, including natural resources, allows a better understanding what policy changes are needed to move to a sustainable path of development.

Keywords: *real wealth, resources, human and natural capital, sustainable development, human well-being, social foresight.*

Труд есть отец богатства, земля – его мать.

Уильям Петти

Земля-матушка – богатительница наша.

Русская поговорка

Очевидность все более углубляющегося кризиса в системе «человек – природа» снова и снова выдвигает на первый план проблему устойчивого развития (*sustainable development*)¹.

Один из главных ее аспектов – состояние ресурсов, которыми располагают отдельные нации и человечество в целом. Каковы эти ресурсы и что с ними происходит в условиях продолжающегося роста населения, производства, потре-

¹ Здесь и далее английские термины *sustainable, sustainability, sustainable development* переводятся как «устойчивый», «устойчивость», «устойчивое развитие», хотя такой перевод не вполне эквивалентен смыслу оригинала: речь идет о допустимом, приемлемом развитии, о жизнеспособности, то есть свойстве самоподдерживаемости.

ния и сопутствующих этому экономических, социальных и экологических издержек? Как это отражается на перспективах устойчивого развития?

В системе национальных счетов ключевое место принято отводить валовому внутреннему продукту (ВВП) и его величине на душу населения. Этот показатель, предназначенный для измерения экономической активности, со временем стали рассматривать как показатель социального прогресса. Но такая его трактовка создает искаженное представление о действительности. ВВП как сумма учитываемых текущих доходов, являющихся в какой-то степени обратной стороной негативных побочных последствий экономического роста, не может служить индикатором динамики общественного благосостояния.

Стремление восполнить этот недостаток побудило экспертов ООН в конце прошлого века разработать и ввести в оборот Индекс человеческого развития (ИЧР – Human Development Index), учитывающий такие «неэкономические» параметры, как продолжительность жизни (здоровье, здравоохранение) и уровень образования – то, что получило в дальнейшем название *человеческого капитала*.

Но и оба названных показателя – ВВП и ИЧР – не охватывают всего объема располагаемых обществом и используемых им ресурсов, так как не учитывают природной составляющей производственной базы обществ. Природные факторы, то есть то, что по аналогии с основным (произведенным, физическим) и человеческим капиталом стали называть *природным капиталом*, – одно из главных условий человеческого благосостояния. В современных условиях без оценки наличного фонда природных ресурсов, его состояния, его изменения во времени вследствие хозяйственной деятельности трудно определить конкретно условия и перспективы достижения экологически устойчивого развития.

Осознание этого привело к появлению расширенной концепции национального богатства, к попыткам дать ему возможно более полную количественную оценку, включающую оценку природного капитала. Экспериментальные расчеты такого рода были предприняты экспертами Всемирного банка в 90-е гг. прошлого века и в начале нынешнего [Monitoring... 1995; Expanding... 1997; Where... 2006; The Changing... 2011]. Главное богатство наций – и это продемонстрировали расчеты – человеческий капитал. Была предпринята также в грубом приближении оценка природной ресурсной базы в большой группе стран. Эти первые расчеты дали некоторое представление о мировом национальном богатстве и его составе, то есть о соотношении человеческого, природного и физического капитала, но они были весьма несовершенны.

Тем не менее это был важный шаг в развитии современной экономической мысли, шаг к преодолению «экономистской» зауженности неоклассической школы, доминировавшей на Западе в XX столетии. Намечился переход от теории факторов роста к теории устойчивого человеческого развития. Теории, в которой под конечной целью понимается развитие человека, а экономический рост рассматривается как средство для достижения этой цели. В качестве меры развития в этой теории принимается не изобилие произведенных благ, а степень обогащения физической и духовной жизни людей, повышение ее качества [Курганский 2011: 18].

* * *

Может показаться неожиданным, хотя и вполне закономерным, что эти ключевые моменты современной теории развития человека (human development) име-

ют явные точки соприкосновения с антропологическими воззрениями К. Маркса, с его представлением о феномене человека, об отношениях в системе «человек – природа» и предвидением будущей их эволюции.

Разрабатывая теорию естественно-исторического развития общества, Маркс сосредоточил внимание на материальном производстве, но исходным пунктом для него был феномен человека и его место в природе. Подчеркивая диалектическую взаимосвязь истории людей и истории природы, он отталкивался в своем анализе от «природных основ и тех их видоизменений, которым они, благодаря деятельности людей, подвергаются в ходе истории» [Маркс, Энгельс, т. 3: 19]. Природа рассматривалась в качестве предпосылки и условия жизни, развития и существования человека и общества.

Марксову антропологию официальный «советский марксизм» не жаловал, она не вписывалась в партийно-государственную идеологию сталинизма. Хотя для Маркса и Энгельса речь шла как раз о том, чтобы заменить «культ абстрактного человека» «наукой о действительных людях и их историческом развитии» [Там же, т. 21: 299]. Высшей целью общества будущего виделось развитие человека, выявление его творческих дарований, «развитие всех человеческих сил как таковых» [Там же, т. 46, ч. I: 476].

Развитие человека, по Марксу, подразумевает универсальность его потребностей, средств потребления, природных сил индивидов. Человек подчиняет себе силы природы, «очеловечивает» ее и преобразует в соответствии со своими потребностями. Природа – первоисточник средств жизни, предметов и средств труда. Эти условия труда, эти первичные факторы производства представляют собой даровые услуги природы – сами по себе они «ничего не стоят» [Там же, т. 23: 398].

Природные силы и материалы представляют собой пассивные факторы производства; его активный фактор – сам человек, его рабочая сила. Живой человеческий труд К. Маркс вслед за А. Смитом считал главным источником вещественного богатства. Но не единственным, поскольку создаваемые трудом потребительные стоимости всегда содержат какой-то природный субстрат. Оценка живого труда как главного источника богатства соответствовала условиям того времени, поскольку процесс производства с большой степенью приближения совпадал тогда с процессом труда.

В той системе социально-экономических отношений, которую исследовал Маркс, богатство выступало преимущественно в форме капитала, то есть товаров или денег, принявших товарную форму. Маркс не считал возможным называть это национальным богатством. По его словам, единственная часть «так называемого национального богатства, которая действительно находится в общем владении современных народов, это – их государственные долги» [Там же, т. 23: 764].

Но Маркс, что особенно важно с точки зрения нашей темы, предвидел неизбежную трансформацию тех отношений в системе «человек – природа», которые были типичны для его времени. Он связывал это с развитием науки и техники, с превращением науки в непосредственную производительную силу вследствие замещения непосредственного труда всеобщим научным трудом, с обусловленным развитием общества и общественного производства разложением капитала как господствующей формы производства [Там же, т. 46, ч. II: 207 и сл.].

В первоначальном варианте «Капитала» [рукопись 1857–1958 гг.] об этой более высокой ступени развития крупного общественного производства говорится следующее. Благодаря научно-техническому прогрессу появляются машины, способные «выполнять ту же самую работу, которую раньше выполняли рабочие» [Маркс, Энгельс, т. 46, ч. II: 212]. Тем самым «созидание действительного богатства становится менее зависимым от рабочего времени и от количества затраченного труда, чем от мощи тех агентов, которые приводятся в движение в течение рабочего времени и которые сами, в свою очередь (их мощная эффективность), не находятся ни в каком соответствии с непосредственным рабочим временем, требующимся для их производства, а зависят, скорее, от общего уровня науки и от прогресса техники, или от применения этой науки к производству» [Там же: 213].

А это означает изменение самой основы общественного производства: на место средств и орудий труда в качестве промежуточного звена между человеком и объектом, на который он воздействует, ставится природный процесс, преобразуемый в производственный процесс. «Труд выступает уже не столько как включенный в процесс производства, сколько как такой труд, при котором человек, наоборот, относится к самому процессу производства как его контролер и регулировщик. <...> Вместо того, чтобы быть главным агентом процесса производства, рабочий становится рядом с ним» [Там же].

В самых первых, еще скромных проявлениях научно-технического прогресса Маркс разглядел то, что принесла с собой научно-техническая революция в последние десятилетия – подчинение человеком колоссальных сил природы, превращение их в главную производительную силу на службе у человеческих потребностей, в главный источник общественного богатства. Двигатели внутреннего сгорания, генераторы электрического тока, химический синтез, проводная и беспроводная связь, атомная энергетика, биотехнологии, автоматика, робототехника – все это использование «прирученных» человеком сил природы.

Главной функцией людей, занятых в общественном производстве, становится управление этими процессами, регулирование и контроль. Это требует умственного труда достаточно высокой квалификации, то есть работников, владеющих научными знаниями, специальными навыками и опытом. Конечно, многие виды работ и сегодня требуют применения простого физического труда, но его энергетические затраты не идут ни в какое сравнение с энергетической мощностью используемых ныне человеком природных сил.

Поскольку такая трансформация общественного производства не только реализовалась, но и сопровождалась далекоидущими социальными и политическими изменениями, появились веские основания для того, чтобы по-иному подойти к трактовке таких базовых категорий, как богатство, капитал, труд. Предвосхищение этого мы опять-таки находим у Маркса. Труд в его непосредственной форме, отмечал он, говоря о научном производстве будущего, перестает быть «великим источником богатства» [Там же: 214]. Главной основой производства и богатства становится присвоение человеком «его собственной всеобщей производительной силы, его понимание природы и господство над ней в результате его бытия в качестве общественного организма, одним словом – развитие общественного индивида» [Там же: 213–214].

В цитированных фрагментах нетрудно усмотреть понимание развития человека, весьма близкое к тому, что подразумевается современным понятием

человеческого капитала, и понимание природы как будущего главного источника общественного богатства, близкое к тому, что сегодня называют природным капиталом.

Но есть еще другая сторона дела, которая также не ускользнула от внимания Маркса, а именно – угроза разрушительных последствий массивного воздействия человека на внешнюю природу. Маркс допускал, что в иных общественных условиях и на гораздо более высоком уровне развития производительных сил «все источники общественного богатства польются полным потоком» и станет возможным распределение «по потребностям» [Маркс, Энгельс, т. 19: 20]. Значит ли это, что он игнорировал значение природных ограничений для роста производства и потребления?

Маркс предвидел усиление противостояния человека и внешней природы в процессе общественного развития. Он связывал это с феноменом «отчужденного» труда, с «перекосом» в системе «человек – природа», обусловленным капиталистическим способом производства. Капитал «захватывает» рабочую силу, природные ресурсы, науку – все то, что расширяет его «эластичные потенции» [Там же, т. 23: 623], а тем самым и его способность безоглядно и расточительно эксплуатировать природу. Тем самым он «подрывает... источники всякого богатства: землю (то есть природу. – *А. В.*) и рабочего» [Там же, т. 23: 515].

Разрешение проблемы Маркс видел в переходе к сознательному и планомерному регулированию отношений между человеком и природой. Общество «ассоциированных производителей», полагал он, сможет рационально регулировать обмен веществ с природой – «при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей» [Там же, т. 25, ч. II: 387]. На место «слепого господства закона спроса и предложения» должно прийти «общественное производство, управляемое общественным предвидением» [Там же, т. 16: 9].

Представляет интерес суждение Энгельса на этот счет. Говоря о способности человека господствовать над природой, заставлять ее служить своим целям, он писал: «Не будем, однако, слишком обольщаться нашими победами над природой. За каждую такую победу она нам мстит. Каждая из этих побед имеет, правда, в первую очередь те последствия, на которые мы рассчитывали, но во вторую и в третью очередь совсем другие, непредвиденные последствия, которые очень часто уничтожают значение первых» [Там же, т. 20: 495–496]. Энгельс имел в виду не только естественные (для природы), но и общественные последствия производственной деятельности человека. Приведя примеры того и другого, он высказывал надежду на то, что со временем люди научатся заранее учитывать эти последствия и регулировать их.

Эти предположения оказались слишком оптимистическими. По мере дальнейшего социально-экономического развития, становления в более развитых странах «социального государства» и «потребительского общества» расширялись и масштабы эксплуатации природы, теперь уже, по сути дела, совместной эксплуатации ее трудом и капиталом (при крайне неравном распределении получаемых в результате благ, непропорционально большая доля которых достается тем, кто контролирует ресурсы).

О совместной эксплуатации позволительно говорить потому, что прогрессирующее замещение человеческого труда силами природы создало возможность

повышения жизненного уровня населения промышленно развитых и многих развивающихся стран. Росту жизненного уровня сопутствует феномен потребительства, всемерно стимулируемого рынком, поскольку это расширяет поле действия рыночных сил. Рынок побуждает потреблять больше того, что нужно с точки зрения достойных условий жизни, создавая в результате ситуацию выхода за пределы «несущей способности» природной среды. Надвигающаяся угроза планетарного экологического кризиса, о которой давно предупреждали ученые, становится все более реальной.

Ответом на эту угрозу и стала идея устойчивого развития. Программа устойчивого развития была одобрена Организацией Объединенных Наций в 1992 г. Устойчивое развитие – в противоположность тому, которое диктуется рыночной стихией, – это развитие направляемое. В Декларации тысячелетия, принятой главами государств и правительств на Генеральной ассамблее ООН в сентябре 2000 г. содержится важное положение о необходимости управления экономическим и социальным развитием на глобальном уровне. «Обязанности по управлению глобальным экономическим и социальным развитием, а также устранению угроз миру и безопасности, – говорится в этом документе, – должны распределяться между народами мира и осуществляться на многосторонней основе».

* * *

В июне 2012 г. на очередной Конференции ООН по устойчивому развитию «Рио+20» был представлен экспертный доклад, посвященный оценке реального национального богатства большой группы государств, предпринятой с прицелом на конкретизацию перспектив устойчивого развития [IWR 2012]. Доклад был подготовлен группой исследователей под эгидой специальной Международной программы Университета ООН (UN University International Human Dimensions Programme on Global Environmental Change) и Программы развития ООН (UNEP).

В докладе говорится, что взаимопереплетение экономического, социального и экологического кризисов последних десятилетий заставляет политических деятелей, лидеров бизнеса и гражданского общества, да и широкую публику задаться вопросом: является ли нынешняя модель развития устойчивой с точки зрения человеческого благосостояния? Все больше сомнений вызывает нацеленность на материальное богатство и экономический рост как якобы ключевые факторы благосостояния. Но это не единственные факторы, и они не должны рассматриваться как самоцель. Не менее важны социальные и экологические факторы благосостояния, такие как образование, здоровье, чистый воздух, чистая вода и среди прочего – важные для душевного здоровья природные ландшафты.

В фокусе стремления к устойчивому развитию должно быть *благосостояние человека* – такова исходная установка доклада. При каких условиях можно его обеспечить сегодня и в будущем? Что нужно, чтобы сохранить эти условия или даже улучшить их в интересах будущих поколений? Происходит ли какое-либо движение в сторону устойчивого развития и можно ли (и каким образом) это установить? По мнению авторов доклада, помочь найти ответ на эти вопросы может усовершенствованная ими методика количественной оценки *всего националь-*

ного богатства во всех его элементах², а также анализ тенденций их изменения на протяжении последних двух десятилетий (1990–2008 гг.)³.

Речь идет, как уже было сказано, об активах трех видов: основном или произведенном (*manufactured*) капитале (машинное оборудование, строения, инфраструктура и т. п.), человеческом капитале (образовательный потенциал населения, трудовые навыки) и природном капитале (леса, ископаемое топливо, минеральные ресурсы, земли сельскохозяйственного назначения). Эти активы образуют производственную базу национальных экономик. В данном случае главное внимание уделено *природному капиталу*, в особенности изменениям, которые с ним происходили на протяжении указанного периода, и влиянию этих изменений на состояние производственной базы отдельных стран⁴.

В целях сравнимости все активы оценивались в денежном выражении – на основе их рыночной цены, если они присутствуют на рынке как товары (для оценки природных ресурсов использовалась рентная цена), или если действительная цена неизвестна, то есть активы не оцениваются на рынке (нерыночные, нематериальные активы), или известна, но не отражает реальной стоимости, – на основе условных расчетных цен, то есть при некоторых допущениях относительно их предполагаемой или приемлемой стоимости.

Условность подобных расчетов очевидна. Но благодаря единой методике удалось построить Индекс реального богатства (ИРБ), то есть получить сопоставимые данные, что позволяет сравнивать разные страны по уровню и составу их реального богатства, судить о динамике, о соотношении различных его компонентов. Релевантность методики (оснащенной, кстати, солидным математическим аппаратом) – особая тема, которая могла бы стать предметом рассмотрения специалистов. Нас интересуют полученные результаты.

1. В большинстве из 20 стран, которые стали объектом исследования, природный капитал сократился, в том числе на душу населения (кроме Японии). Таким образом, подтверждаются выводы о превышении хозяйственной емкости природной среды, сделанные ранее другими исследователями с использованием других методов, и гораздо более тревожные (работы В. Г. Горшкова, Д. Медоуза, М. Вакернагеля и др.).

Масштабы зафиксированного сокращения варьируются по странам – от 4–5 % (Бразилия, Канада, Китай) до 16 % (Норвегия) и 36 % (Великобритания). В среднем для всех 20 стран сокращение составило 5 %, то есть выглядит сравнительно небольшим – но это за два десятилетия! Цифра была бы больше, если бы удалось включить в расчет эрозию почв и сокращение водных ресурсов, но такая задача пока не ставилась. Кроме того, оценка природных ресурсов в рыночных ценах, даже с коррективами, неизбежно преуменьшает неопределимую по сути реальную ценность невозобновимых (конечных, то есть все более редких) ресурсов:

² Отсюда несколько тяжеловесный термин «инклюзивное богатство». Ниже используется в качестве равнозначного термин «реальное богатство» или просто «национальное богатство».

³ Авторы оговаривают, что это предварительный и все еще «грубый» анализ, поскольку он охватывает ограниченный круг стран (представляющих, правда, 72 % мирового населения) и не учитывает ряд параметров, по которым исходные данные отсутствуют либо недостаточны.

⁴ Предполагается, что такие доклады будут выпускаться с периодичностью в два года, охватывая те вопросы, которые в данном случае не рассматривались.

объективно она должна возрастать по мере их истощения. Что касается возобновимых ресурсов, то их использование пока не компенсирует сокращения невозобновимых.

2. Несмотря на сокращение природного капитала, почти во всех странах национальное богатство увеличилось (единственное исключение – Россия, где этого не произошло вследствие связанной с деиндустриализацией страны утраты части основных фондов). В 14 странах из 20 оно увеличилось как в целом, так и в расчете на душу населения. Это объясняется главным образом увеличением человеческого капитала, что имело место во всех 20 странах, хотя и в разной степени – от 48 % в Бразилии до умеренных 8 % в США и Австралии, 12 % в Японии и т. п. В большинстве стран увеличение составило от 20 % до 36 %. Сравнительно низкие показатели в наиболее развитых странах объясняются тем, что они еще ранее достигли высокого уровня накопления человеческого капитала.

3. В составе национального богатства 17 стран *преобладает человеческий капитал*. В наиболее развитых странах его доля достигает 70–80 % (в Великобритании – 88 %). Оценка «веса» человеческого капитала зависит от оценки «веса» других компонентов, соотношение которых в разных странах неодинаково. В России, Нигерии, Саудовской Аравии преобладающая форма богатства – природный капитал. Основные фонды занимают в странах с высоким уровнем индустриального развития значительно большее место в производственной базе, чем природные ресурсы. В развивающихся странах, напротив, природные ресурсы играют большую роль в качестве производственного фактора, и даже преобладающую по сравнению с основными фондами там, где ВВП формируется в основном благодаря добыче нефти – как в России, Нигерии, Саудовской Аравии.

4. В шести странах (Венесуэла, Колумбия, Нигерия, Саудовская Аравия, ЮАР и Россия) в рассматриваемый период произошло *сокращение реального национального богатства на душу населения* – главным образом вследствие обгоняющих темпов роста населения. Поскольку в России произошло сокращение численности населения, это несколько смягчило сокращение реального богатства в расчете на одного человека.

Эти шесть стран характеризуются в докладе как страны с неустойчивым типом развития. Что касается остальных, то авторы склонны трактовать положительный индекс реального богатства как свидетельство движения к устойчивому развитию. Основания для такого вывода представляются весьма шаткими, да и сами исследователи здесь не очень категоричны. Так, отмечается, что среди стран с положительным индексом роста богатства ежегодный темп его роста в расчете на душу населения только в Китае превысил 2 %, еще в трех странах (Германия, Франция, Чили) он превысил 1 %, а в 10 странах составил от 0,1 % до 0,9 %, то есть находится «на грани» устойчивости и «с высокой вероятностью движения к неустойчивой траектории».

Сопоставление ежегодных темпов роста ИРБ с темпами роста ВВП и ИЧР дает следующую картину [IWR 2012: 44].

Таблица

**Среднегодовые темпы роста ИРБ, ВВП (на душу населения) и ИЧР,
в % (1990–2008 гг.)**

Страна	ИРБ на д. н.	ИЧР	ВВП на д. н.
<i>Австралия</i>	0,1	0,3	2,2
<i>Бразилия</i>	0,9	0,9	1,6
<i>Великобритания</i>	0,9	0,6	2,2
<i>Венесуэла</i>	– 0,3	0,8	1,3
<i>Германия</i>	1,8	0,7	1,5
<i>Индия</i>	0,9	1,4	4,5
<i>Канада</i>	0,4	0,3	1,6
<i>Кения</i>	0,1	0,4	0,1
<i>Китай</i>	2,1	1,7	9,6
<i>Колумбия</i>	– 0,1	0,9	1,7
<i>Нигерия</i>	– 1,8	1,3	2,5
<i>Норвегия</i>	0,7	0,6	2,3
<i>Россия</i>	– 0,3	0,8	1,2
<i>Саудовская Аравия</i>	– 1,1	0,5	0,4
<i>США</i>	0,7	0,2	1,8
<i>Франция</i>	1,4	0,7	1,3
<i>Чили</i>	1,2	0,7	4,1
<i>Эквадор</i>	0,4	0,6	1,8
<i>Южная Африка</i>	– 0,1	– 0,1	1,3
<i>Япония</i>	0,9	0,4	1,0

Три ряда показателей существенно различаются. Как видно из данных таблицы, темпы роста реального богатства почти везде (кроме Германии и Франции) ниже темпов роста ВВП на душу населения. Индекс реального богатства не обязательно коррелирует с изменениями ИЧР. Рост подушевого ВВП наблюдался и в странах, где индекс реального богатства имел отрицательное значение. То есть страна потребляла больше, чем может произвести в будущем (принимая неизменным уровень технологии). Это заставляет сомневаться в долгосрочной устойчивости показателей ВВП этих стран.

Весьма уязвима положенная в основу практического отождествления роста реального национального богатства и движения к устойчивому развитию презумпция взаимозамещаемости (*substitution*) различных форм капитала, в частности возмещения природного капитала человеческим. Монетарный подход создает иллюзию равного значения различных форм капитала. Правда, делается оговорка: допущение абсолютной замещаемости нереалистично и вводило бы в заблуждение. Не исключается, однако, возможность ограниченной замещаемости, что трактуется как свидетельство продвижения к устойчивости.

Но и такое «ослабленное», смягченное допущение вызывает возражения критиков, на что указывают авторы доклада. Однако они допускают, что можно конвертировать какой-то природный ресурс в другие активы, если при этом повышается благосостояние граждан. А это определяется, мол, соотношением расчетной цены соответствующих капиталов, то есть замещение приемлемо, если оно не ведет к уменьшению суммарной величины национального богатства.

Принимая эту посылку, авторы сопровождают ее существенными оговорками. «То, что дает природа, – это необходимость, а не роскошь. Существуют определенные опции для какого-то уровня замещаемости, но по зрелому размышлению необходимо остерегаться необратимых процессов, которые могут вызвать снижение благосостояния» [IWR 2012: XXV]. И признают: истощение какого-то типа природного капитала и замещение его другим природным или произведенным капиталом в большинстве стран часто оказывается неэкономичным.

Ни основные фонды, ни человеческий капитал не могут заменить природы как среды обитания человека в широком смысле, как самооценности, как источника жизненных средств и средств производства. О замещении можно говорить лишь в тех случаях, когда речь идет, например, о создании искусственных материалов, заменяющих природные, или о частичной замене невозобновимых ресурсов возобновимыми.

Но и здесь есть свои пределы. Никакой прирост человеческого или основного капитала не может возместить истощения ресурсов пресной воды, загрязнения атмосферы, сведения лесов, сокращения биоразнообразия, уничтожения природных ландшафтов, изменения климата... Никакая современная экономика не может обойтись без необходимых для производства и жизнеобеспечения природных источников энергии и минеральных ресурсов. Их нехватку приходится возмещать импортом. Промышленно развитые страны вынуждены, как правило, в той или иной мере прибегать к сырьевому импорту в крупных масштабах.

* * *

Авторы доклада не обошли вниманием и тему влияния внешней торговли на формирование национального богатства, посвятив ей особую главу.

Как отмечено выше, промышленно развитые и развивающиеся страны значительно различаются по составу совокупного национального богатства. Сырьевые ресурсы первых в большинстве случаев весьма ограничены (исключения – Канада, Норвегия), они являются нетто-импортерами ресурсов. Во многих развивающихся странах запасы природных ресурсов составляют весомую часть их национального богатства – они выступают в качестве нетто-экспортеров.

Влияет ли (и каким образом) международная торговля на перспективы развития отдельных экономик? Объем глобальной торговли сырьевыми ресурсами вырос с 1990 по 2008 г. в шесть раз – с 613 млрд до 3,7 трлн долларов. Рост торговли сырьевыми ресурсами, как подчеркивается в докладе, стимулировал их расточительное использование странами-импортерами и неблагоприятные экологические последствия для стран-экспортеров, то есть главным образом для развивающихся стран.

Торговля способствовала «слишком быстрому» сокращению сырьевых ресурсов, поскольку осуществлялась по «слишком низким» ценам [*Ibid.*: 88]. Учитывая существенный объем торгуемых природных активов – как в денежном выражении, так и с точки зрения его места в национальной экономике, – это не может не влиять на оценку перспектив устойчивого развития отдельных развивающихся стран. В частности, рост цен на нефть и другие виды природного сырья может создавать ложное представление о продвижении к устойчивости (увеличение богатства!), тогда как фактически этого не происходит.

Это хорошо видно и особенно резко проявляется в случае с Россией. Российская ситуация, если верить данным, приводимым в докладе, уникальна по сравнению с другими странами, которые изучались. Это единственная из 20 стран, где за рассматриваемый период индекс реального богатства снизился. Снизился и объем национального богатства на душу населения. Россия стала исключением и в том отношении, что негативный показатель индекса реального богатства был обусловлен сокращением основных фондов на 37 % [IWR 2012: 39].

В то же время у России – самые высокие запасы природных ресурсов. Но она, экспортируя в больших масштабах сырье, в особенности углеводородные энергоресурсы, не увеличивала в то же время свой основной и человеческий капитал такими темпами, чтобы обеспечить общий рост реального богатства. Рост ВВП происходил за счет «проедания» природной ресурсной базы.

Будучи богатой по природным ресурсам (один из самых высоких показателей на душу населения), Россия в сравнении с промышленно развитыми странами остается сравнительно бедной по другим параметрам. Она сильно уступает США, Японии, Германии, Франции, Великобритании по размеру основного и человеческого капитала на душу населения. Можно было бы заподозрить авторов доклада в предвзятости, но по расчетам некоторых российских исследователей этот разрыв даже больше, чем следует из рассматриваемых материалов [Корчагин 2007; Корчагин].

* * *

Стоит упомянуть о некоторых важных общих выводах, которые содержатся в докладе. Подтверждается, в частности, что процессы *глобализации*, получившие выражение в ускорении темпов роста международной торговли, усилили тенденцию роста неустойчивости мирового развития. Ресурсы перетекают от бедных стран к богатым, при этом в странах с низким и средним уровнем доходов обусловленное производством истощение природных ресурсов превосходит то, которое обусловлено потреблением; тогда как в странах с высоким уровнем доходов наоборот – потребление («сверхпотребление», констатирует доклад) служит главной причиной общей тенденции истощения ресурсов. Диспропорция увеличивается с повышением уровня доходов. Это значит, что богатые страны с их производственными и потребительскими практиками «проедают» ресурсы на уровне выше среднего. С точки зрения перспектив устойчивого развития снижение социального неравенства в мире – одна из главных задач управления глобализацией.

Связанная с этим проблема – *права собственности* на природные ресурсы. Права собственности сфокусированы на индивидуальном (частном) владении. В то же время многие «услуги природы» (*nature's services*), как отмечается в докладе, имеют публичный характер, что противоречит передаче их в частную собственность (it is difficult to assign property rights to them). Как правило, права собственности передаются без должного учета социальной справедливости (как это, кстати, произошло и происходит в России). Неотрегулированные и незащищенные права собственности затрудняют формирование рынков или искажают их функционирование [IWR 2012: XXV].

Индекс реального богатства, полагают авторы доклада, дает иную возможность оценки функционирования экономики, чем традиционные критерии. Он переключает внимание с текущих доходов на измерение наличных производ-

ственных фондов в широком их понимании (в противоположность ВВП). «Сбережение фондов существенно важно для того, чтобы совокупное производство могло поддерживаться в долгосрочном плане, расширяя тем самым арсенал мер, посредством которых можно направлять экономическое развитие (by which economic development can be captured)» [IWR 2012: 44].

Предложен ряд рекомендаций, адресованных правительствам, тем, кто принимает политические решения. Им советуют поставить в центр экономического планирования индекс реального богатства и основывать свою деятельность на сбалансированном подходе, учитывая все компоненты национального богатства и их взаимозависимость. Правительства должны ускорить переход от системы учета потока доходов (ВВП) к системе, основанной на оценке реального богатства. Предлагается запустить исследовательские программы, в том числе на международном уровне, для оценки ключевых компонентов природного капитала (в особенности – экосистем) и их значения («услуг») для человеческого благосостояния.

Промышленно развитым странам, где достигнут высокий уровень человеческого капитала и где по этой причине отдача от дополнительных инвестиций в него уменьшается, рекомендуется увеличивать инвестиции прежде всего в сохранение природных активов, в использование возобновляемых природных ресурсов, восполняя тем самым сокращение невозобновляемых. Но Индии, например, советуют больше инвестировать в человеческий капитал, поскольку она отстает по темпам его роста от Китая. А России следует больше инвестировать в основные фонды, а также, конечно, в образование, науку, здравоохранение.

Представленная в докладе концепция, ее критическая направленность против доминирующей в мире экономической системы дает, как представляется, основания для более крупных выводов и обобщений. Глобальный финансово-экономический кризис, разразившийся в 2008 г., побудил многих видных политических и общественных деятелей говорить о необходимости смены модели социально-экономического развития. «Старая модель пришла в упадок. Мы должны создать новую модель для динамического роста», – заявил генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун на заседании Генеральной Ассамблеи ООН в апреле 2012 г.

Собственно, эта мысль в неявной форме присутствует в докладе; она заложена в самой постановке проблемы, в констатации кризиса системы, в признании того, что этот кризис вызывает все больше вопросов и сомнений в отношении ее способности к устойчивому развитию. Если в заключение вернуться к Марксу, то, слегка перефразируя его, можно сказать: в великом споре между слепым господством закона спроса и предложения и общественным развитием, управляемым общественным предвидением, позиция авторов доклада на стороне управляемого развития.

Литература

Корчагин Ю. А. Современная экономика России. Ростов н/Д. : Феникс, 2007. (Korchagin Yu. A. Modern economy of Russia. Rostov on Don.: Phoenix, 2007).

Корчагин Ю. А. Национальное богатство, российский человеческий капитал и проблемы его роста [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lerc.ru/?part=articles&art=3&page=18> (Korchagin Yu. A. National wealth, Russian human capital and problems of its increase [Electronic resource]. URL: <http://www.lerc.ru/?part=articles&art=3&page=18>).

Курганский С. А. Структура человеческого капитала и его оценка на микроуровне // Известия ИГЭА. 2011. № 6(80). С. 17–24. (Kurgansky S. A. Structure of the human capital and its assessment at the microlevel // Izvestiya IGEA. 2011. No. 6(80). Pp. 17–24).

Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М., 1955. (Marx K., Engels F. Collected works: in 50 vols. 2nd ed. Moscow, 1955).

Expanding the Measure of Wealth: Indicators of Environmentally Sustainable Development // The World Bank. Washington, D.C., 1997.

Inclusive Wealth Report (IWR) 2012. Measuring Progress towards Sustainability. Cambridge : Cambridge University Press, 2012.

Monitoring Environmental Progress: a Report on Work in Progress // The World Bank. Washington, D.C., 1995.

The Changing Wealth of Nations: Measuring Sustainable Development in the New Millennium // The World Bank. Washington, D.C., 2011.

Where is the Wealth of Nations? Measuring Capital for the 21st Century // The World Bank. Washington, D.C., 2006.